

ПЕПЕЛ фазана

Ольга Ефимова

18+

Ольга Ефимова

Пепел фазана

<https://litres.ru/74420762>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой искусствовед Анна Соболева привыкла работать с фарфором и старыми книгами, но её размеренная жизнь рушится в один миг, когда она находит в глухой провинции немую девочку, рисующую павлинов, точь-в-точь повторяющих её собственные детские рисунки. Символ, который её мать пыталась сжечь двадцать лет назад, оказывается ключом к вековой тайне рода Соболевых.

Анна начинает расследование и попадает в водоворот событий, где переплетаются судьбы нескольких поколений

Она исследует старые усадьбы, расшифровывает тайные письма в древних подземельях и вступает в схватку с могущественными врагами. Вместе с блестящей командой союзников — опытным майором, преданным её делу; пожилым историком, хранящим архивы; и пражскими хранителями древнего знания — Анна должна не только защитить наследие своих предков, но и понять главное: это не просто технология, а ключ к миру, который может переписать реальность.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	66
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ольга Ефимова

Пепел фазана

Глава 1

Анна Соболева не любила поезда. Не из-за тряски или запаха угля — этих запахов давно не было в электричках, а из-за чувства запертости, когда мелькающие за окном пейзажи кажутся нарисованными на бесконечном полотне, а ты сидишь в клетке из сидений и окон, и время тянется как резина. Но именно в поезде она поймала себя на том, что вглядывается в собственное отражение в тёмном стекле, пытаясь различить в чертах лица ту самую девочку, которая двадцать лет назад нарисовала на обоях в родительской квартире нечто, перевернувшее всю её жизнь.

Тот рисунок она помнила до сих пор, хотя мать сожгла его в тот же вечер, а обои переклеили на следующий день. Анне тогда было семь, и она сидела на полу в гостиной с набором цветных карандашей, которые подарил отец перед своей последней командировкой. Отец уехал и не вернулся — самолёт разбился где-то над морем, и тело так и не нашли. Мать после этого стала другой: молчаливой, сухой, она избегала смотреть на дочь, словно в той отражалось всё, что она потеряла. И в тот день, когда Анна нарисовала на стене

огромного павлина с распущенным хвостом, мать впервые за месяцы закричала. Она кричала так, что соседи вызвали полицию. Анна не понимала, что сделала не так: павлин был красивым, ярким, а в центре каждого пера Анна вывела завитки, похожие на старые географические карты. Мать рвала бумагу, била по стене кулаками, а потом сожгла все карандаши в печке и заставила Анну дать клятву, что та никогда больше не возьмёт в руки цветные мелки.

— Это проклятие, — сказала мать, задыхаясь от слёз. — Ты не знаешь, что нарисовала. И никогда не узнаешь. Забудь.

Анна забыла. Вернее, она научилась не вспоминать — переключилась на книги, на историю искусства, на фарфоровые статуэтки, которые собирал её дед. Она стала искусствоведом, экспертом по декоративно-прикладному искусству, и теперь её приглашали в самые разные места — оценивать коллекции, давать экспертные заключения для аукционов, консультировать частных собирателей. Это была спокойная, пыльная работа, в которой не было места ни драмам, ни детским кошмарам. И когда в её московском кабинете раздался звонок из Зареченского краеведческого музея с просьбой оценить найденный на чердаке старый сервиз, она согласилась, почти не раздумывая. Деньги платили хорошие, а ей давно хотелось вырваться из столичной осени с её серым небом и вечными пробками.

Поезд шёл уже четыре часа. За окном проплывали берёзовые перелески, потом поля, потом снова леса — всё в туск-

лой сентябрьской позолоте. Анна открыла ноутбук и ещё раз перечитала письмо от директора музея: «Обнаруженный сервиз предположительно относится к концу XIX века, керамика с подглазурной росписью. Просим вас подтвердить подлинность и определить рыночную стоимость. Усадьба, где был найден сервиз, принадлежала дворянскому роду Соболевых». Она вздрогнула, когда увидела свою фамилию. Конечно, Соболевых в России — тысячи, но что-то внутри кольнуло острой иглой. Она никогда не интересовалась генеалогией, мать не рассказывала о предках, а отец... отец был лётчиком и не носил дворянских кровей. И всё же совпадение казалось странным.

Анна закрыла ноутбук и достала из сумки папку с документами, которые ей сбросили из музея. Там были фотографии сервиза: белый фарфор с синей росписью, сцены охоты, пасторальные пейзажи — ничего особенного, таких сервизов сохранилось немало. Но на одной тарелке она заметила деталь: на краю блюда был изображён павлин. Не просто павлин, а именно с теми самыми завитками в хвосте — они вились спиралями, напоминая узоры на древних картах. Анна замерла. Её ладонь вспотела, и она отложила фотографию, будто та могла обжечь. Но рука сама потянулась снова. Она поднесла снимок поближе, вгляделась — да, это был тот самый рисунок. Тот самый, что она нарисовала в семь лет, тот самый, что сожгла мать.

«Совпадение, — сказала она себе вслух, и голос прозвуч-

чал хрипло в пустом вагоне. — Тысячи художников рисовали павлинов. Это просто орнамент».

Но она уже не могла отделаться от ощущения, что ниточка, которую она оборвала много лет назад, снова протянулась к ней через время и расстояние. Поезд замедлял ход. В окне показались редкие огни — Зареченск приближался.

Вокзал оказался маленьким, почти игрушечным — деревянное здание с резными наличниками, покрашенное в унылый зелёный. Анна вышла на перрон, вдохнула прохладный воздух, пахнувший прелыми листьями и дымом, и почувствовала себя неуютно, будто шагнула в чужой сон. Никто её не встречал — она не просила, сама взяла такси. Пока ехали через городок, она разглядывала одноэтажные домики, церквушку с облупившимся куполом, пустой парк с качелями. Зареченск жил своей медленной жизнью, где время, казалось, остановилось где-то в начале девяностых.

Музей помещался в двухэтажном особняке из красного кирпича, который когда-то был купеческим домом. Анна зашла внутрь — пахло нафталином и старой бумагой. Директор, пожилой мужчина с добрыми глазами по имени Евгений Павлович, встретил её с радушием провинциала, который редко видит столичных гостей. Он проводил её в хранилище — маленькую комнату без окон, где на стеллажах пылились коробки и свёртки. Сервиз лежал на отдельном столе под лампой.

— Мы нашли его в усадьбе «Фазанья поляна», — объяс-

нил директор, пока Анна надевала белые хлопчатобумажные перчатки. — Усадьба сгорела лет пять назад, но часть подвала уцелела. Местные мальчишки лазили и наткнулись на сундук. Хозяев нет, усадьба числится бесхозной, так что мы забрали находку в музей. Но нам нужна экспертиза — если сервиз ценный, мы будем продавать его на аукционе, чтобы отремонтировать крышу.

Анна кивнула, не слушая. Она уже взяла в руки тарелку с павлином. Роспись была потрясающей — тонкие линии, глубокая синева кобальта, перья словно переливались, хотя фарфор был холодным и мёртвым. Её пальцы дрожали. Она перевернула тарелку — на обороте стояло клеймо: две буквы «В.С.» и дата — 1898 год. «В.С.» — Варвара Соболева. Анна ахнула. Она знала это имя — оно фигурировало в старых справочниках, как одна из немногих русских художниц-керамисток, работавших в технике подглазурной росписи. Но Варвара Соболева была её прабабкой. Мать когда-то обмолвилась об этом, но тут же замолчала, будто произнесла имя призрака.

— С вами всё в порядке? — спросил Евгений Павлович, заметив её побледневшее лицо.

— Да, — выдавила Анна. — Просто... я знаю эту мастерицу. Это моя прабабка.

Директор изумлённо поднял брови. Он тут же оживился, засуетился, предложил чай, но Анна отказалась — ей нужно было сосредоточиться. Она осмотрела все предметы сервиза:

двадцать четыре тарелки, супницу, соусник, три блюда. На каждом был павлин, но в разных ракурсах. И на каждом — те самые спиральные завитки, которые она помнила с детства. Сомнений не оставалось: её детский рисунок был точной копией этого орнамента. Но как? Она никогда не видела этот сервиз, не бывала в усадьбе, не слышала о прабабушке. Мать намеренно скрывала всё, связанное с этой ветвью семьи.

— Евгений Павлович, — сказала Анна, стараясь говорить ровно, — скажите, а где именно, в каком месте усадьбы нашли сундук? И можно ли мне посмотреть на само место?

Директор замялся. — Место, конечно, можно, но усадьба сейчас в аварийном состоянии. Там обрушилась кровля, второй этаж почти рухнул. Но подвал, где был сундук, доступен. Только нужен проводник — местные не любят туда ходить, поговаривают, что там что-то нечисто.

— Нечисто?

— Ну, глупости, — отмахнулся он. — Говорят, после пожара там видели тени, слышали голоса. У нас городок маленький, все любят страшилки. Но если вы настаиваете, я попрошу сторожа Никиту проводить вас завтра утром.

Анна согласилась. Она не верила в призраков, но верила в тайны — и чувствовала, что именно там, в обгоревших стенах «Фазаньей поляны», скрывается ответ на вопрос, который мучил её всю жизнь: почему мать так испугалась её рисунка и что за проклятие шептала она тем вечером.

Вечер она провела в гостинице — единственной в горо-

де, где пахло щами и хлоркой. Она лежала на скрипучей кровати и смотрела в потолок, прокручивая в голове события дня. Сервиз был подлинным, его стоимость могла достигать нескольких сотен тысяч рублей, но её волновало не это. Её волновали спирали. Она вытащила блокнот и набросала их — те самые завитки, что она видела на тарелках. И вдруг заметила, что если сложить их в определённом порядке, они напоминают буквы. Латинские буквы, образующие слово «COLUMBIA»? Нет, не совсем. Она пыталась составить осмысленную фразу, но у неё не хватало данных. Она решила, что это случайность — орнамент мог быть просто декоративным.

Но ночью ей приснился сон. Она стояла в пустой комнате, где стены были исписаны теми самыми завитками, и из центра рисунка выползал огонь. Огонь не обжигал, а, наоборот, холодил, и из него появлялась женская фигура — высокая, худая, с седыми волосами, собранными в пучок. Женщина смотрела на неё глазами, полными боли, и шептала: «Не ищи, дитя. Или ищи, но помни: за каждым павлином стоит тень». Анна проснулась с криком. Сердце колотилось, как у птицы в клетке. Она села, зажгла свет и дрожащей рукой записала сон в блокнот. Внизу она написала: «Тень» — и подчеркнула.

Утром она чувствовала себя разбитой. Но решимость не угасла. Никита, сторож, ждал у входа в музей — мужичок лет пятидесяти, с лицом, изрытым морщинами, и хитрым взгля-

дом. Он вёл старый «уазик», и они покатали по разбитой дороге к усадьбе. По пути Никита рассказывал:

— Вы, главное, не бойтесь, барышня. Я там каждый день бываю, ничего страшного нет. А вот местные — они трусливые. Говорят, баба какая-то в белом бродит, но это пьяные бредни. Я сам видел только кошек да сов.

— Никита, а вы знаете, кому раньше принадлежала усадьба? — спросила Анна.

— Как не знать. Соболевым. Богатые были, художники. Потом после революции всё национализировали, сделали Дом творчества для художников. Там много народу бывало, даже из Москвы приезжали. А потом, в девяностые, всё заглохло. А пять лет назад — пожар. Сгорела почти вся, но подвал чудом уцелел.

— А люди? — осторожно спросила Анна. — В пожаре кто-нибудь погиб?

Никита помолчал. — Была одна женщина... молодая, она там сторожем работала. Мать девочки из приюта. Она не успела убежать, говорят. Но это не точно, тело так и не нашли. Вроде бы она уехала до пожара, но больше её никто не видел.

Анна похолодела. Девочка из приюта? Она вспомнила, что вчера, когда проходила мимо здания приюта рядом с музеем, видела во дворе девочку, которая рисовала мелом на асфальте. Она не придавала этому значения, но сейчас в голове щёлкнуло. Она спросила:

— А девочка... она жива? Она теперь в приюте?

— Алиса? — удивился Никита. — Да, живёт. Только не говорит. После того, как мать сгинула, она слова не вымолвила. Немая, бедолага. Но рисует хорошо. Я видел её рисунки — павлины какие-то странные, всегда павлины.

У Анны перехватило дыхание. Она хотела спросить ещё, но усадьба показалась из-за поворота — и слова застряли в горле.

Это было величественное, хотя и разрушенное здание. Два этажа, с колоннами и мезонином, обгоревшие стены чернели на фоне утреннего солнца. Стекол в окнах не было, крыша местами провалилась, и сквозь проёмы виднелось серое небо. Вокруг рос густой березняк, и ветер шелестел листвою, создавая впечатление, что усадьба дышит. Анна вышла из машины, замерла. Она чувствовала странное притяжение и одновременно отвращение — будто её тянуло в пропасть.

Никита провёл её к подвальному входу — низкой каменной арке, заваленной обломками кирпича. Они расчистили проход, и Анна, включив фонарик на телефоне, шагнула вниз. В подвале было прохладно, пахло сыростью и гарью. Стены были покрыты копотью, но в некоторых местах они были светлыми — там, видимо, стояла мебель. В углу находился тот самый сундук — большой, окованный железом, пустой, поскольку всё содержимое уже забрали в музей. Анна провела рукой по его крышке — и под пальцами нащупала какой-то рисунок. Она поднесла фонарь — на крышке был

вырезан павлин, точно такой же, как на тарелках. Только он был грубее, явно сделан не рукой художника, а ножом.

Она вгляделась — и заметила, что вокруг павлина идут какие-то мелкие надписи. Они были почти стёрты, но Анна смогла разобрать несколько слов: «Тот, кто помнит огонь, откроет гнездо». Она сфотографировала надпись и попыталась прочесть дальше, но буквы сливались. И вдруг её осенило: если сложить рисунок с сундука и фотографии с тарелок в определённой последовательности, то получится некая карта. Она была в этом почти уверена. Но для этого нужно больше данных — нужно найти остальные части. Она почувствовала азарт, граничащий с одержимостью.

Внезапно снизу, из-под пола, донёсся глухой звук — будто кто-то постучал костяшками пальцев по дереву. Анна замерла, прислушалась. Стук повторился — отчётливый, ритмичный: три удара, пауза, два удара. Никита, стоявший у входа, насторожился:

— Слышали? Там кто-то есть.

— Это может быть ветер, — сказала Анна, но голос дрогнул.

Она опустилась на колени и постучала в ответ по полу. Снизу ответили — пять быстрых ударов. Сердце ухнуло вниз. Анна осветила пол — старые доски были подгнившими, но одна из них явно была поднята недавно, потому что по краям виднелись свежие зазубрины. Она подцепила доску ножом, который дал ей Никита, и с трудом подняла её.

Под доской была тёмная пустота — небольшой лаз, уходящий вниз, в земляное углубление. Оттуда пахло плесенью и почему-то сладковатым дымом. Анна посветила фонариком — на глубине около метра виднелся глиняный пол и какие-то предметы.

— Никита, принесите верёвку, — попросила она.

Сторож принёс старый шланг, и Анна, обвязав себя, спустилась вниз. Лаз оказался коротким — около трёх метров в глубину, расширяющимся в маленькое помещение, похожее на тайник. Там лежали несколько керамических черепков и старая тетрадь в кожаном переплёте. Анна схватила тетрадь — она была исписана мелким бисерным почерком. Она открыла первую страницу: «Дневник Варвары Соболевой. 1898 год». Это было то, что ей нужно.

Она положила тетрадь в рюкзак и хотела уже выбираться, как свет фонарика упал на стену тайника. Там был нарисован углём павлин — огромный, почти в полный рост, с тремя хвостами. И у каждого хвоста было написано число: «12», «24», «36». Что это означало — она не знала, но запомнила. Она сделала снимок, и в этот момент снизу, из-под земли, донёсся звук — будто где-то далеко-далеко шумит вода. Или огонь. Это был не ветер. Это было что-то живое.

Анна быстро вылезла обратно, чувствуя, как трясутся руки. Никита помог ей выбраться, и они засыпали лаз обратно досками. Но у Анны в голове уже крутился калейдоскоп образов: павлины, даты, надпись на сундуке, этот дневник...

и девочка Алиса, которая тоже рисовала павлинов. Она чувствовала, что нашла только начало, но конец этой истории таится где-то гораздо глубже — и она не остановится, пока не узнает правду.

Они вышли из усадьбы, и солнце уже клонилось к закату. Анна стояла на пороге, сжимая в руках тетрадь, и смотрела на чёрные остовы стен. Внезапно ей показалось, что в одном из верхних окон, где стёкол не было, мелькнула тень. Женский силуэт. Она моргнула — и тень исчезла. Никита ничего не заметил.

— Едем, барышня, уже темнеет, — сказал он.

Она кивнула, садясь в машину, но всё время, пока они ехали обратно, она оглядывалась назад, на усадьбу, которая медленно тонула в сумерках. Ей казалось, что оттуда за ней кто-то наблюдает.

В гостинице Анна сразу села читать дневник. Первые страницы были посвящены описанию жизни в усадьбе, работе над фарфором, но затем почерк становился нервным, торопливым. Варвара писала о том, что нашла нечто в лесу, нечто, что нельзя было показывать никому, и что она зашифровала это в рисунках павлинов, чтобы тайна не пропала. «Они придут за ней, — писала она. — Я знаю, что не переживу этой зимы. Но пусть тот, кто найдёт мои знаки, знает: сокровище не в золоте, а в правде. И правда сожжёт всё». Последняя запись обрывалась на полуслове.

Анна закрыла тетрадь и посмотрела в окно. В темноте, на

улице, под фонарём, стояла маленькая фигурка — девочка с большими глазами, держащая в руках лист бумаги. Анна узнала её — Алиса из приюта. Девочка смотрела прямо на её окно. Анна открыла форточку и хотела позвать, но Алиса уже развернулась и побежала, оставив лист на скамейке. Анна выбежала на улицу, подобрала лист. Это был рисунок — павлин, но странный: его хвост был вытянут в стрелу, указывающую прямо на усадьбу. А внизу было написано детским почерком, явно не её рукой, а чьей-то, кто помогал ей: «Не ходи в лес, они ждут». Но сверху было пририсовано ещё одно слово, зачёркнутое, но Анна смогла разобрать его — «Спаси меня».

Она подняла глаза, но Алиса уже скрылась за поворотом. Холод пробежал по спине. Она стояла одна посреди ночного Зареченска, с дневником прабабки в одной руке и рисунком девочки в другой, и чувствовала, как тонкая нить её прошлого натянулась до предела, готовая либо порваться, либо вытащить на свет нечто такое, что изменит всё.

— Кто ты? — прошептала она в темноту. — И кто «они»?

Ответом ей был лишь шелест листьев и дальний, едва слышный крик ночной птицы.

Глава 2

Анна простояла под фонарём, пока холод не начал пробираться под лёгкую осеннюю куртку. Рисунок Алисы дрожал в её руках, и она снова взгляделась в него: павлин с хвостом-стрелой, указывающий на усадьбу, и надпись, сделанная явно чужой рукой — кто-то помогал девочке написать эти слова, или же Алиса не так нема, как кажется. «Не ходи в лес, они ждут» — это звучало как предупреждение, но «Спаси меня» перечёркивало всё, превращая угрозу в мольбу. Анна сунула рисунок в карман, крепче сжала дневник прабабки и вернулась в гостиницу.

В номере она заперла дверь на все замки, села на кровать и принялась перечитывать дневник Варвары Соболевой. Первые страницы были безобидными: описание имения, рецепты глазури, восторги по поводу новой печи. Но где-то с середины тетради тон менялся. Варвара писала: «Сегодня в лесу я нашла странный камень с вырезанным знаком. Я знаю, что он означает — это герб нашего рода, но почему он там, в чаще, где никто не ходит? Я попросила мужа проверить, но он только отмахнулся. Я чувствую, что скоро кто-то придёт. Придут за тем, что мы прячем. Я должна спрятать это лучше. Но как? Я придумала шифр — павлины. Три павлина — три пути. Пусть тот, кто знает нашу кровь, прочтёт». И дальше шли какие-то наброски, схематические рисунки,

которые Анна не могла разобрать. Она перелистала страницу за страницей, но остальная часть дневника была занята списками расходов и зарисовками цветов. Видимо, Варвара решила не записывать всё явно, понимая, что дневник могут прочесть чужие.

Анна подошла к окну. На улице уже совсем стемнело, фонарь качался от ветра, и его свет дробился на мокром асфальте. Она думала о том, что Алиса, скорее всего, знает больше, чем может показать. Девочка не говорит, но рисует — это её язык. И если Анна хочет разгадать тайну, ей нужно подружиться с этой молчаливой девочкой, заставить её довериться.

Утром она встала рано, выпила крепкий кофе в гостиничной столовой, где пахло жареным луком и ещё чем-то неуловимым, и направилась в приют. Здание приюта оказалось серым двухэтажным особняком с облупившейся штукатуркой, окружённым высоким забором с колючей проволокой. Анна позвонила в калитку, и через минуту ей открыла полная женщина в халате, с усталым лицом.

— Вы к кому? — спросила она, окинув Анну подозрительным взглядом.

— Здравствуйте, я Анна Соболева, искусствовед. Я здесь в командировке, вчера я видела вашу воспитанницу Алису. Я хотела бы с ней поговорить, если можно.

— Алису? — Женщина, представившаяся Валентиной Петровной, заведующей, нахмурилась. — А зачем она вам?

Анна решила сказать правду, но не всю. — Я заметила, что она рисует павлинов. Это очень похоже на рисунки, которые я видела в старых документах в музее. Возможно, она видела их где-то раньше? Мне бы хотелось расспросить её.

Валентина Петровна вздохнула. — Она не говорит, вы же знаете. С тех пор, как её мать пропала при пожаре, она молчит. Только рисует и плачет иногда по ночам. Но врачи говорят, что это не органическое нарушение — она просто не хочет. Или не может. Она боится. Но раз вы из музея... проходите. Только не долго, у нас скоро завтрак.

Анна прошла за заведующей в здание. Внутри было тесно и шумно — дети бегали по коридору, кто-то плакал, воспитатели пытались навести порядок. Они поднялись на второй этаж, в комнату, где стояли несколько кроватей и столов. Алиса сидела на подоконнике, поджав ноги, и рисовала в альбоме. При виде Анны она не удивилась — она, будто ждала её. Девочка подняла глаза, и в них читалась странная смесь страха и надежды.

Анна присела рядом на корточки, чтобы быть на одном уровне. — Привет, Алиса. Я Анна. Мы не знакомы, но я видела твои рисунки. Они очень красивые. Можно мне посмотреть?

Алиса медленно кивнула и протянула альбом. Анна открыла его — там было десятка два рисунков, все с павлинами, но каждый разными. Один павлин стоял на фоне усадьбы, другой — на фоне леса, третий — на фоне колодца. И

в каждом хвосте были те же спиральные завитки, что и на фарфоре. Анна перелистнула на последнюю страницу — там был павлин с тремя хвостами, точно такой же, как она видела в тайнике. Под ним Алиса написала простым карандашом: «12, 24, 36». Те же числа.

— Ты видела это в усадьбе? — спросила Анна шёпотом, чтобы никто не слышал.

Алиса кивнула и ткнула пальцем в рисунок, затем указала на себя и на Анну. Она пыталась что-то сказать жестами — сложила руки, показывая, что это общее, что они связаны. Анна не совсем понимала, но чувствовала: девочка хочет сказать, что этот рисунок — ключ к чему-то, что касается их обеих.

— Ты знаешь, что это за числа? — спросила Анна.

Алиса замотала головой, но затем взяла альбом и написала на чистом листе: «Мама сказала, что это даты. 12, 24, 36 — что-то важное было в эти дни. Она не успела сказать, что».

Анна замерла. Даты? В дневнике Варвары тоже были даты — но не эти. Она записала: «Написано: 12 января 1900? Или 24 марта? Или 36 — может быть, 36-й год? Но тогда это 1936-й». Она задумалась. — А твоя мама рассказывала тебе о бабушке? О том, что у тебя были предки художники?

Алиса написала: «Мама говорила, что мы особенные. Что мы храним тайну. Но её убили за это. Она сказала, если я увижу женщину с такими же глазами, как у неё на старых фото — я должна показать ей знак. У вас такие же глаза,

как у неё». И она показала на фотографию, которую нашла в альбоме — это была маленькая старая чёрно-белая карточка, приклеенная к обложке. На ней была женщина с тёмными волосами, собранными в пучок, — Варвара Соболева.

У Анны перехватило дыхание. Девочка каким-то образом знала её прабабку, знала, что у них схожие черты. Это было не случайностью.

— Алиса, ты не знаешь, где твоя мама могла спрятать что-то важное? Может быть, в лесу? Я нашла старый дневник в усадьбе, там говорится о трёх павлинах. Я думаю, это карта. Но мне нужна помощь.

Алиса напряжённо смотрела на неё, потом написала: «Мама боялась леса. Она говорила, что там есть люди, которые следят. Она оставила мне коробку, но её забрал какой-то мужчина. Он сказал, что он полиция, но я не поверила. Он был злой».

Анна похолодела. Полиция? Или кто-то притворялся? Она вспомнила разговор с Никитой — он говорил, что мать Алисы, возможно, не погибла, а просто исчезла. Что, если она жива и скрывается, а девочку держат здесь, под присмотром?

— Этот мужчина... как он выглядел?

Алиса взяла карандаш и быстро набросала портрет — высокий, широкоплечий, с острым подбородком и тёмными глазами. Анна узнала его — это был Борис Кротов, местный бизнесмен, который хотел купить усадьбу. Она видела его

фотографию в газете, которую нашла в номере.

— Кротов, — прошептала Анна. — Он был здесь? Он приходил к тебе?

Алиса кивнула, и глаза её наполнились слезами. Она написала: «Он сказал, что если я кому-то расскажу, он убьёт меня, как убил маму». Девочка задрожала.

Анна обняла её, чувствуя, как маленькое тельце сотрясается от рыданий. — Тише, тише, я не дам тебя в обиду. Я разберусь с этим. Но мне нужно знать — ты можешь показать мне, где твоя мама прятала вещи? Может быть, вы ходили куда-то вместе в лес?

Алиса подняла на неё мокрые глаза и написала: «Она во-дила меня к дубу. Большой дуб на аллее усадьбы. Там под корнями лежит ключ. Она сказала, что ключ от всего».

Анна вспомнила, что в тайнике она нашла только дневник, а сундук был пуст. Значит, основная часть спрятана под дубом. Она решила, что сегодня же отправится туда.

Разговор прервала Валентина Петровна: — Анна, вам пора, у нас завтрак. Вы сегодня ещё придёте?

— Да, обязательно, — ответила Анна, погладив Алису по голове. — Я скоро вернусь. Не бойся, мы всё решим.

Она вышла из приюта, чувствуя на себе взгляд девочки. Анна сразу же направилась к музею, чтобы найти Евгения Павловича и расспросить о дубе на аллее. Директор был в своём кабинете, разбирал бумаги. Он удивлённо поднял голову:

— Анна Сергеевна, вы с утра пораньше? Что-то случилось?

— Евгений Павлович, я хочу спросить: вы помните, на территории усадьбы есть старый дуб? Аллея, ведущая к дому?

Директор задумался. — Да, есть. Огромный дуб, наверное, ему лет двести. Он стоит слева от главного входа, если идти по аллее. Там ещё скамейка была, но она сгорела. А что?

— Мне нужно туда, — сказала Анна. — Возможно, там что-то спрятано.

— Опасно, — предупредил Евгений Павлович. — Там корни дуба могут быть подгнившими, да и местность не совсем надёжная. Но если вы настаиваете, я пошлю с вами Никиту — он знает там каждую тропинку.

Анна согласилась, но она хотела сначала заехать в полицию — встретиться с майором Громовым. Она чувствовала, что Кротов опасен и что ей нужна официальная поддержка.

Полицейский участок находился в здании старой пожарной части. Анна прошла внутрь, спросила майора Громова. Дежурный проводил её в кабинет — небольшой, с картами на стенах и папками на столе. Громов оказался мужчиной лет сорока, с волевым лицом и усталыми глазами. Он поднялся при её появлении:

— Анна Соболева? Евгений Павлович уже звонил, сказал, что вы будете. Садитесь. Что случилось?

Анна села и начала рассказывать всё: о дневнике, о павлинах, о рисунках Алисы, о том, что Кротов приходил к девочке и угрожал ей. Громов слушал внимательно, хмурясь. Когда она закончила, он покачал головой:

— Кротов — фигура сложная. Он у нас давно на карандаше, но доказательств никаких — все дела против него разваливаются в суде. Он силен в адвокатуре. Если он действительно причастен к смерти матери Алисы, нам нужны улики. Одни слова девочки не докажут ничего — она не говорит, а нарисованные портреты не являются свидетельством.

— Но я могу найти вещественные доказательства, — сказала Анна. — Под дубом на территории усадьбы якобы спрятан ключ. Если я его найду, возможно, он приведёт к тому, что Кротов скрывает.

Громов задумался. — Идти на усадьбу без санкции — это может быть незаконно, если вы не имеете разрешения на раскопки. Но усадьба бесхозная, так что, в принципе, формально вы можете там гулять. Я вам посоветую — пойдите с Никитой, но если найдёте что-то, сразу звоните мне, не рискуйте в одиночку. Кротов, скорее всего, следит за вами. Он не дурак.

— Следит? — Анна поёжилась.

— Вы приехали, начали задавать вопросы, интересоваться усадьбой — он уже знает. У него везде свои люди. Так что будьте осторожны. Если хотите, я могу выделить вам полицейского, но это привлечёт внимание. Лучше делайте вид,

что вы просто работаете над экспертным заключением для музея.

— Поняла, — сказала Анна. — Спасибо за совет.

Она встала, но Громов остановил её: — Подождите. Вы говорили, что нашли дневник Варвары Соболевой. Можно мне взглянуть? Я бы хотел знать, что там про пожар или про Кротова.

Анна протянула дневник. Громов пролистал несколько страниц, затем нахмурился: — Здесь есть запись от 12 января 1900 года. Варвара пишет, что «сегодня я похоронила ключ под дубом, потому что чувствую приближение смерти». Похоже, она предчувствовала свою кончину. Возможно, она и есть тот самый «ключ»? Или под ключом она имела в виду что-то иное?

— Возможно, ключ — это не предмет, а информация, — предположила Анна. — Может быть, она имела в виду шифр, который открывает тайник.

Громов вернул ей дневник. — Идите и постарайтесь не впутывать Алису. С ней работают психологи, но она молчит. Если вы сможете её разговорить — это было бы идеально, но не форсируйте события.

Анна кивнула и вышла, чувствуя, что время уходит. Она нашла Никиту, который уже завёл свой «уазик», и они отправились к усадьбе. По дороге Анна спросила:

— Никита, вы знаете, кто такой Борис Кротов?

Сторож хмыкнул: — А то я его не знаю. Он тут главный

богатей, весь лес купил, хочет там курорт строить, но ему мешает усадьба — она в центре его участка. Он давно хочет её снести, но власти не разрешают, потому что усадьба — памятник архитектуры, хоть и сгоревшая. Он предлагал выкупить, но муниципалитет отказал. И вот он злится. Может, он и поджёт усадьбу, чтобы она рухнула сама, а он бы её приобрёл.

— Он мог убить мать Алисы? — прямо спросила Анна.

Никита помолчал, потом ответил: — Всё может быть. Она, говорят, видела что-то в лесу — может, его делишки. Он не тот, кем кажется, барышня. Запомните мои слова.

Они приехали. Усадьба стояла всё так же мрачно, но сейчас, при солнечном свете, она не казалась такой зловещей. Анна и Никита прошли по аллее, и Никита указал на огромный дуб, стоящий в отдалении. Его крона была частично обожжена, но ствол сохранился.

— Вот он, — сказал Никита. — Старик, ему не одна сотня лет.

Анна подошла ближе, обошла вокруг. Корни дуба были мощными, частично обнажёнными. Она присела на корточки и начала осматривать основание ствола. Прямо за самым большим корнем земля была немного взрыхлена, как будто кто-то недавно копал. Анна подозвала Никиту, и они вдвоём начали разгребать землю руками. Через несколько минут они наткнулись на металлический ящик, запечатанный воском. Анна поддела крышку ножом — она поддалась. Внутри

лежали старые письма, пожелтевшие, перевязанные бечёвкой, и маленький ключ, явно от старинного замка.

— Это оно! — воскликнула Анна. — Это ключ!

Она раскрыла письма — они были написаны рукой Варвары Соболевой, но адресованы некой Екатерине. Анна быстро пробежала глазами: «Дорогая Катя, если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Я спрятала всё, что ты знаешь, в трёх местах, но главное — в старом колодце, который я засыпала. Только ключ откроет сундук, но не сам колодец — он откроет дверь в подвал под печью. Там лежит правда, которую нельзя показывать людям. Передай это той, кто продолжит наш род. Варвара».

Анна ахнула. Значит, ключ открывает не колодец, а дверь в подвале под печью — ту самую печь, которую она видела в тайнике. Она поняла, что её детский рисунок был именно той подсказкой, которую мать так боялась. Варвара спрятала правду, а мать Анны знала об этом и, видимо, пыталась уберечь дочь от этой правды.

Но что это за, правда, которая «нельзя показывать людям»? Анна была полна решимости найти ответ. Она достала телефон и сфотографировала все письма и ключ, затем положила их обратно в ящик.

— Никита, нам нужно вернуться в музей и как следует всё изучить. У нас есть ключ, но я не знаю, какой замок он открывает. Видимо, речь идёт о какой-то старой печи или двери в усадьбе. Вы не знаете, есть ли там подвал под печью?

— Есть, — сказал Никита. — В восточном крыле была большая плита, где раньше пекли хлеб. Под ней, говорят, подвал. Но он завален, когда дом рухнул, никто туда не заглядывал.

— Мы проверим, — твёрдо сказала Анна.

Они пошли к восточному крылу. Оно было полуразрушено, но Анна заметила, что один угол не обвалился — там виднелась кирпичная кладка, а за ней темнел проём. Она пролезла внутрь, Никита последовал за ней. Внутри оказалось небольшое помещение с обвалившейся печью. Анна осветила пол и увидела железную дверцу, вмурованную в каменный пол. На дверце была прорезь — точно под ключ. Она опустилась на колени и вставила ключ. Он подошёл идеально, провернулся с лёгким скрежетом. Дверца открылась, и внизу показалась лестница — крутая, каменная, уходящая в темноту.

— Господи, — прошептала Анна. — Там что-то есть.

Никита подал ей фонарь, и Анна, сделав глубокий вдох, начала спускаться. Лестница привела её в небольшой подвал, где стояли два старых сундука и стеллаж с книгами. Анна открыла первый сундук — в нём лежали бумаги, фотографии, документы. Она начала перебирать их, и сердце её забилось быстрее — среди бумаг она нашла старую генеалогическую книгу рода Соболевых и письма, адресованные её прабабке. Но главное — внизу лежал рисунок, на котором был изображён всё тот же павлин, но теперь Анна разглядела, что хвост

павлина представлял собой карту леса, с отмеченными тремя точками. Одна точка — усадьба, вторая — дуб, третья — родник в лесу. И рядом с каждой точкой стояли цифры — 12, 24, 36.

Анна всё поняла. Это были координаты — не даты, а что-то другое. Возможно, это расстояния или номера участков. Она взяла книгу и фотографии, убрала в рюкзак. Напоследок она осветила стены подвала и заметила надпись, вырезанную прямо на камне: «Тайна не для всех. Только для тех, кто помнит огонь».

В этот момент сверху донёсся звук — шаги. Никита, оставшийся наверху, крикнул: — Барышня, кто-то идёт! Быстро!

Анна метнулась к лестнице, но её путь преградила тень — мужская фигура в чёрном плаще. Кротов стоял у входа, держа в руке пистолет.

— Не ожидали меня увидеть, Анна Сергеевна? — усмехнулся он. — Вы слишком любопытны для такой хрупкой женщины. А любопытство, как известно, до добра не доводит.

Анна замерла, чувствуя, как леденеет кровь. Она сжала в руках книгу и письма, понимая, что это — её единственный шанс.

— Вы убили мать Алисы, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы сожгли усадьбу. Зачем вам это?

Кротов нахмурился: — Ах, эта женщина... она была глу-

па. Она нашла то, что я искал, но не захотела отдать. Пришлось её убрать. А девочку я оставил, думал, что она будет молчать. И она молчит, но вы, оказывается, умнее. Вы не уйдёте отсюда, Анна.

Он шагнул вперёд, и в этот момент сверху раздался грохот — Никита скинул кирпич, который ударил Кротова по плечу, и тот выронил пистолет. Анна не растерялась — она схватила пистолет и направила на Кротова.

— Стойте, не двигайтесь! — крикнула она. — Никита, звоните в полицию!

Но Кротов злобно засмеялся и выхватил нож из-за голенища: — Вы не умеете стрелять, а я успею.

Началась борьба. Анна выстрелила в воздух, и грохот разнёсся по подвалу. Кротов на секунду застыл, но затем прыгнул на неё. Анна отбилась, ударила его по руке чемоданом с книгами, и Кротов пошатнулся. В этот момент снаружи слышались сирены — Громов, видимо, уже ехал, услышав выстрел. Кротов, поняв, что время истекло, рванул к лестнице, но Никита загородил проход, и Кротов, оттолкнув его, выбежал через разбитое окно и исчез в лесу.

Через минуту в подвал вбежал Громов с двумя полицейскими. — Где он?! — крикнул он.

— Сбежал в лес, — выдавила Анна, тяжело дыша. — Но у меня есть всё. Доказательства, письма, генеалогия, ключ. Я нашла правду.

Громов помог ей подняться и внимательно посмотрел на

неё. — Вы в порядке? Ничего не сломали?

— Я в порядке, — ответила Анна, хотя руки её дрожали. — Но мы должны найти Алису. Кротов может вернуться за ней.

Громов кивнул: — Я уже отправил людей в приют. Девочку охраняют. Не волнуйтесь.

Анна вышла на свет, держа в руках древнюю книгу. Она знала, что в ней — ключ к разгадке тайны, которую так долго хранила её семья. Она посмотрела на часы — было ровно 12:24. Она усмехнулась — совпадение или нет? Но она уже знала, что три числа — 12, 24, 36 — это не даты, а координаты трёх мест на карте. И одно из них — родник в лесу, куда она должна отправиться завтра.

Но сейчас она хотела только одного — обнять Алису и сказать ей, что всё будет хорошо. Она вышла из усадьбы, села в машину Громова, и они поехали в город.

Ночь опускалась на Зареченск, но Анна чувствовала, что её путь только начинается.

Глава 3

Сирены затихли где-то за поворотом, когда машина Громова въехала в город. Анна сидела на заднем сиденье, прижимая к груди рюкзак с находками — генеалогическую книгу, письма, ключ, фотографии. Её руки всё ещё дрожали, но не от страха, а от возбуждения. Она нашла то, что искала, и теперь правда была почти у неё в руках. Но Кротов сбежал, и это оставляло горький привкус незавершённости.

— Вам нужно в больницу? — спросил Громов, взглянув на неё в зеркало заднего вида.

— Нет, я в порядке. — Анна сглотнула. — Как там Алиса? Её охраняют?

— Да, двое моих людей дежурят у приюта. Кротов не сунется, он знает, что теперь его ищут по всей области. Хотя он хитёр, может попытаться связаться с вами через посредников. Будьте начеку.

Анна кивнула. Она не боялась за себя, но за девочку — очень. Эта маленькая молчаливая художница, которая рисовала павлинов, знала больше, чем можно было себе представить. Её мать погибла из-за этой тайны, и Алиса чуть не повторила её судьбу.

Они подъехали к отделению полиции, и Громов провёл её в свой кабинет. Он предложил чай, но Анна отказалась, налив себе стакан воды из кулера. Она села за стол и выложила

содержимое рюкзака. Громов пододвинул к себе генеалогическую книгу, открыл её.

— Соболевы, — проговорил он, водя пальцем по страницам. — Древний род, уходит корнями в XVII век. Варвара Соболева, 1875–1918, художница-керамистка. Муж — Павел Соболев, инженер. У них было трое детей, но в книге записаны только двое. Третий, видимо, умер в младенчестве. А ваша линия идёт от младшей дочери, Елизаветы, которая вышла замуж за какого-то офицера и уехала в Петроград. Потом её потомки осели в Москве. Ваша мать — она была правнучкой Елизаветы.

— Моя мать ничего не рассказывала о Варваре, — сказала Анна. — Она боялась даже упоминать её имя. А теперь я понимаю почему: Варвара что-то спрятала, и мать знала об этом. Когда я в семь лет нарисовала павлина, она решила, что я каким-то образом повторила этот шифр — и испугалась, что кто-то придёт за мной, как пришёл за Алисиной матерью.

Громов задумчиво посмотрел на неё. — Значит, рисунки передаются по наследству не через обучение, а через какую-то генетическую память? Или через подсознание?

— Возможно. Или это просто совпадение, но я видела эти завитки на фарфоре, в дневнике, в рисунках Алисы — они идентичны. Я уверена, что это не случайность. Это родовой знак, ключ к шифру.

Анна взяла письма, которые нашла в ящике под дубом. Она развернула одно из них и прочитала вслух: «Дорогая Ка-

тя, если ты читаешь это, меня уже нет. Я спрятала правду в трёх местах: первое — под дубом, где ключ, второе — под печью в восточном крыле, где бумаги, и третье — у родника, где лежит то, что никто не должен увидеть. Ты знаешь тропу, я показала её тебе в детстве. Иди по компасу от старого дуба строго на юг, дойдя до ручья, поверни на запад, там будет камень с выбитым павлином. Под камнем — сундук. Открой его ключом, который лежит у дуба, но помни: истина внутри может изменить всё. Не показывай её никому, кроме той, кто продолжит род. Варвара».

Анна подняла глаза на Громова. — Вот оно. Третье место — родник в лесу. Это координаты 12, 24 и 36 — но я не знаю, что они означают. Возможно, это углы, расстояния или даже часы, когда нужно идти.

Громов взял её телефон, где она сфотографировала карту из подвала. — Посмотрите: на карте павлина три точки. Первая — усадьба, вторая — дуб, третья — родник. А рядом с каждой точкой стоят числа 12, 24 и 36. Если предположить, что это не числа, а градусы, то от дуба до родника — 24 градуса по компасу? Но это слишком сложно. Может, это расстояние в метрах или шагах? Двенадцать, двадцать четыре, тридцать шесть метров или шагов от чего-то?

— Никита говорил, что от дуба до родника где-то полкилометра, — сказала Анна. — Там лес, но есть тропа. Если идти по компасу, как написано, можно найти этот камень.

— Вы собираетесь туда сегодня? — спросил Громов, на-

хмурившись. — Уже вечер, темнеет. Лес опасен даже без Кротова. А он, скорее всего, бродит где-то рядом. Он не ушёл далеко, он ищет те же бумаги, что и вы.

Анна посмотрела в окно. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени на улицы Зареченска. Она понимала, что рискованно идти в ночной лес, но и ждать до утра было нельзя — Кротов мог опередить её.

— Я пойду, завтра на рассвете, — решила она. — Но сейчас я хочу увидеть Алису. Мне нужно с ней поговорить, она может знать что-то ещё.

Громов кивнул и вызвал патрульную машину, чтобы отвезти Анну в приют. По дороге она чувствовала, как внутри неё нарастает решимость. Она нашла ключ, нашла бумаги, и теперь остался последний шаг — родник. Но что-то подсказывало ей, что найденное там окажется важнее всех денег и фарфора, важнее самой усадьбы.

В приюте её встретила Валентина Петровна, на этот раз с явным беспокойством.

— Анна Сергеевна, что случилось? — спросила она. — Полиция приехала, окружила здание, сказали, что девочке угрожает опасность. Мы все перепугались.

— Всё в порядке, — успокоила её Анна. — Где Алиса?

— Она в своей комнате, не выходит, сидит с альбомом. Я пыталась её накормить, но она не ест. Она всё время рисует, что-то шепчет про «они».

Анна поднялась на второй этаж. В комнате было тихо;

другие дети уже спали или ушли в игровую. Алиса сидела на своей кровати, поджав ноги, и рисовала на большом листе бумаги. При виде Анны она подняла голову, и в глазах её мелькнула тревога, но затем — облегчение. Она протянула Анне рисунок.

На нём был изображён лес, в центре — камень с выбитым павлином, а вокруг камня стояли фигуры в чёрных плащах. Алиса подписала снизу: «Они придут за камнем. Ты должна успеть раньше».

Анна сжала руку девочки. — Алиса, кто эти люди? Ты их видела?

Алиса взяла карандаш и написала: «Двое мужчин, они были у нас дома с мамой. Потом мама ушла и не вернулась. Они искали что-то в полу. Я спряталась в шкафу и видела их лица. Один из них — тот, с пистолетом, что был в усадьбе. Другой — старше, с седой бородой. Он сказал: "Придётся сжечь всё, чтобы никто не нашёл"».

Анна почувствовала, как холод пробежал по спине. Значит, у Кротова был сообщник, и они оба участвовали в поджоге и убийстве матери Алисы. Она спросила:

— Ты можешь описать этого старшего? Он был из местных?

Алиса нахмурилась и начала рисовать портрет. Через несколько минут перед Анной возникло лицо с резкими чертами, глубокими морщинами, носом с горбинкой и серыми глазами. Анна не узнала его, но она знала, что Громов смо-

жет идентифицировать его по базе.

— Ты молодец, Алиса, — сказала она, обнимая девочку. — Ты очень смелая. Я никому не дам тебя в обиду. Завтра мы поедем в лес к роднику, но ты останешься здесь, под охраной. А я найду то, что искала твоя мама.

Алиса отрицательно замотала головой и написала: «Я пойду с тобой. Ты не найдёшь дорогу без меня. Мама водила меня туда, я помню». И она указала на карту, которую нарисовала, — тропинку, деревья, изгибы ручья. Анна поняла, что без неё действительно может заблудиться. Но брать с собой ребёнка в лес, где скрывается убийца, было безумием. Она решила обсудить это с Громовым.

Она вышла из комнаты, оставив Алису с альбомом, и позвонила майору.

— Громов, у Алисы есть рисунок с двумя людьми. Один — Кротов, второй — незнакомец, старше, с седой бородой. Возможно, это сообщник. Девочка говорит, что видела их, когда те убивали её мать. Алиса утверждает, что знает дорогу к роднику и хочет идти со мной.

— Ни в коем случае, — резко ответил Громов. — Я не могу позволить ребёнку участвовать в этой операции. Мы сами найдём этот родник. Я подниму карты леса, у нас есть дроны. И я дам вам в сопровождение вооружённого человека.

— Но она рисует с точностью до каждого дерева, — возразила Анна. — Если мы пойдём без неё, можем часами блуждать. А время — на стороне Кротова. Он уже знает о родни-

ке, возможно, он там уже был и всё забрал.

Громов замолчал на несколько секунд. — Ладно, я сам поеду с вами. Завтра в пять утра выезжаем. Я возьму группу быстрого реагирования, мы обыщем лес и найдём этот камень. Алиса останется здесь, и пусть она нарисует вам самую точную карту, какую только сможет. Это будет наш план.

Анна согласилась. Она вернулась к Алисе и попросила её нарисовать подробный маршрут — где поворачивать, какие ориентиры, сколько идти. Алиса усердно работала час, создавая целую карту с пометками: «здесь высокий пенёк», «здесь ручей и мостик», «здесь три сосны растут вместе», «камень под елью». Анна сфотографировала карту на телефон и пообещала девочке, что вернётся и всё расскажет.

Ночь прошла беспокойно. Анна не спала, перечитывая письма Варвары и изучая генеалогическую книгу. Она нашла запись, датированную 1916 годом: «Сегодня я зарыла сундук у родника. Я знаю, что умру скоро, и хочу, чтобы правда сохранилась для тех, кто придёт после. В нём — не просто бумаги, а то, что перевернёт наш мир. Если прочтут плохие люди, они уничтожат всё. Поэтому я зашифровала путь в павлинах. Тот, кто найдёт, должен быть чист душой». Анна нахмурилась. Что за «правда, которая перевернёт мир»? Может быть, какая-то страшная тайна из прошлого? Или доказательства преступлений? Она почувствовала, что стоит на пороге чего-то грандиозного.

На рассвете она вышла к машине, где уже ждал Громов

с двумя оперативниками — Сергеем и Игорем. Все были в форме, с автоматами. Громов показал ей планшет с картами — они наложили маршрут Алисы на спутниковую карту и определили примерное местоположение родника. Оно находилось в трёх километрах от усадьбы, в глубине леса.

— Едем, — сказал Громов. — Будем действовать быстро и тихо. Если Кротов там, мы его возьмём.

Они двинулись на двух внедорожниках. Дорога скоро закончилась, и пришлось идти пешком. Лес был сырым, с высокой травой и папоротником. Анна шла сзади, глядя на карту в телефоне, и сверялась с рисунками Алисы. Она вела группу, и через час они вышли к ручью, затем повернули на запад, как указывала Варвара.

— Вот три сосны, — сказала Анна, указывая на мощные деревья, росшие почти вплотную. — Дальше должно быть.

Они прошли ещё метров двести, и Анна увидела большой валун, заросший мхом, который был частично прикрыт упавшей елью. Она подошла ближе, отодвинула ветки — и на гладкой поверхности камня увидела вырезанного павлина. Он был грубее, чем на фарфоре, но узнаваемый.

— Он здесь, — прошептала Анна.

Они попытались приподнять камень, но он был слишком тяжёлым. Однако Анна заметила, что сбоку есть небольшая щель, где можно подцепить рычаг. Оперативники нашли толстую ветку и приподняли камень — под ним оказалась ниша, заложённая плоскими камнями. Они разобрали

кладку, и внизу показался деревянный сундук, обитый жёстью. Анна достала ключ, который нашла под дубом, и вставила его в замок. Он повернулся с глухим щелчком.

Крышка открылась. Внутри лежали стопки бумаг, перевязанных лентами, несколько старых книг, и самое главное — небольшая шкатулка из чёрного дерева, инкрустированная перламутром. Анна открыла шкатулку — в ней лежал старинный медальон с фотографией мужчины в военной форме и письмо, свернутое в трубочку. Она развернула его — это было письмо от Варвары к своей старшей сестре, написанное в 1917 году.

«Милая сестра, я должна тебе признаться в том, что сделала. Я спрятала в усадьбе не только наше наследство, но и документы, которые доказывают, что мы — не просто дворяне. Наш род ведёт происхождение от тайного общества, которое хранило знания о древних технологиях, переданных им ещё до революции. Я боялась, что большевики найдут их и уничтожат, или хуже — используют во зло. Поэтому я спрятала чертежи и описания в сундуке у родника. Если ты читаешь это, значит, я уже мертва. Сохрани эти знания, они не должны попасть в руки власти. Передай их потомкам, но только тем, кто докажет, что помнит огонь — символ нашего рода».

Анна перевела дух. Древние технологии? Чертежи? Что она могла иметь в виду? Она перелистала бумаги — они были покрыты техническими рисунками, формулами, схемами. Некоторые напоминали чертежи механизмов, двигате-

лей, других — что-то вроде карт звёздного неба. Анна не была инженером, но она понимала, что это могло быть бесценным историческим материалом.

Громов подошёл и заглянул через её плечо. — Что это? — Я не уверена, — ответила Анна. — Выглядит как какие-то научные записи. Возможно, это были передовые технологии, которые Варвара и её родственники пытались сохранить от революции. Но почему Кротов так хотел их заполучить?

В этот момент из леса донёсся шум — треск веток. Оперативники насторожились, подняли оружие. Из кустов вышли два человека — один с седой бородой, как описывала Алиса, а второй — рослый мужчина в камуфляже. Кротова с ними не было.

— Руки вверх! — крикнул Громов. — Стоять, не двигаться!

Незнакомцы не подчинились. Один из них достал пистолет и выстрелил в воздух. Оперативники ответили огнём, началась перестрелка. Анна упала на землю, прижимая к себе сундук. Пули свистели над головой. Громов прикрывал её, стреляя короткими очередями.

Один из нападавших упал, раненый. Второй — седой — бросился в кусты и скрылся. Перестрелка стихла, и Громов выдохнул:

— Чёрт, ещё один ушёл. Но мы его найдём.

Анна поднялась, вся дрожащая. Она посмотрела на сун-

дук и поняла, что теперь она держит в руках нечто намного более ценное, чем фарфор. Она держала ключ к истории, которую так старательно прятали её предки.

— Громов, я знаю, что это, — сказала она, глядя на него. — Это наследие моего рода. И Кротов не остановится, пока не получит его. Мы должны доставить это в безопасное место.

— Отвезём в участок, — сказал он. — Я вызову подкрепление.

Они загрузили сундук в машину и двинулись обратно. По дороге Анна не сводила глаз со шкатулки. Внутри неё, в углублении, она заметила маленькую деревянную пластинку с вырезанными павлинами и буквами, которая складывалась в слово: «Феникс». Она поняла, что это название проекта или общества, которое её прабабка пыталась сохранить.

Вернувшись в город, она немедленно поехала в приют, чтобы показать находку Алисе. Девочка, увидев шкатулку, заплакала и обняла её. Анна поняла — это был знак того, что цепочка замкнулась. Тайна стала явью.

Но когда она уже собиралась уходить, Алиса протянула ей ещё один рисунок — павлин, у которого не было хвоста. Внизу было написано: «Они убили мою маму, чтобы получить это. Теперь они убьют тебя. Спрячь всё».

Анна почувствовала, как в комнате повеяло холодом. Кто-то стоял за окном, за шторой. Она подошла, отдернула занавеску — но там никого не было. Только на снегу (внезап-

но начавшемся) виднелись следы, ведущие к калитке. Кто-то наблюдал за ними.

Она быстро вышла на улицу, огляделась. Вдалеке, за углом, мелькнула фигура — седая борода. Он следил за ней. Анна побежала, но фигура исчезла за деревьями. Она вернулась в приют, запыхавшись, и поняла, что теперь она сама стала мишенью.

Глава 4

Анна стояла на крыльце приюта, вглядываясь в серую пелену начинающегося снегопада. Следы на земле уже почти замело, но она могла поклясться, что видела седую бороду и острый подбородок. Тот самый старик, которого рисовала Алиса, — сообщник Кротова. Он не ушёл далеко. Он ждал. Знал, что она принесёт находку в приют, и наблюдал. Анна почувствовала, как холодный ветер пронизывает её до костей, хотя она была в тёплой куртке. Она быстро вернулась внутрь, плотно закрыла дверь и проверила все засовы на окнах.

— Что случилось? — спросила Валентина Петровна, выходя из коридора.

— Ничего, — солгала Анна, стараясь улыбнуться. — Просто показалось. Проверьте, пожалуйста, все входы. Я оставляю Алису под вашей охраной, но мне нужно срочно уехать.

Заведующая нахмурилась, но кивнула. Анна поднялась в комнату к Алисе. Девочка сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку. Рядом лежал её альбом, открытый на последнем рисунке — павлин без хвоста. Анна присела рядом, взяла её холодную ладошку.

— Алиса, я знаю, что ты боишься. Но я обещаю, что не дам тебя в обиду. Мы нашли то, что искала твоя мама. Теперь мы должны разобраться, что это значит, и почему эти

люди так хотят это заполнить. Ты мне поможешь?

Алиса медленно кивнула и взяла карандаш. Она написала: «Это чертежи. Мама говорила, что там есть машина, которая может делать то, что не умеют люди. Она сказала, что если эта машина попадёт в плохие руки, весь мир изменится». Анна прочитала и нахмурилась. Машина? Какая машина? Она вспомнила чертежи в сундуке — они напоминали схемы паровых двигателей, но с какими-то необычными узлами, которых она раньше не видела. Возможно, Варвара хранила не просто фамильные ценности, а нечто большее — техническую революцию, которую так и не дали состояться революционерам.

— Ты знаешь, что это за машина? — спросила Анна. — Твоя мама рассказывала?

Алиса покачала головой и написала: «Она боялась говорить. Сказала, что если я узнаю, меня убьют. Но я видела рисунки. Там много колёс и огня. И павлин — символ этой машины».

Анна сжала плечо девочки. — Спасибо, родная. Я сейчас поеду в полицию, мы изучим всё вместе. А ты оставайся здесь и не выходи никуда, даже если кто-то скажет, что от меня есть весточка. Поняла?

Алиса кивнула, и Анна вышла, чувствуя, как груз ответственности давит на неё. Она позвонила Громову и сказала, что едет к нему. Когда она прибыла в участок, в кабинете уже сидел пожилой эксперт-криминалист, которого вызвал

Громов для изучения бумаг. Анна выложила всё содержимое сундука на стол: стопки пожелтевших документов, чертежи, шкатулку, генеалогическую книгу и письма.

— Итак, Анна Сергеевна, давайте разбираться, — сказал Громов, указывая на стол. — Александр Иванович, наш архивист, поможет с расшифровкой.

Александр Иванович, сухой седой мужчина в очках, аккуратно взял одну из бумаг и поднёс к лампе. — Это техническая документация, написанная на французском и латыни. Судя по почерку и стилю, это около 1915 года. Здесь описана какая-то установка... — он наморщил лоб. — Нечто вроде электрогенератора, но с очень странной конструкцией. Есть упоминания о «вечном двигателе», но это, конечно, ненаучно. Однако автор явно верил в работоспособность.

— Варвара Соболева не была инженером, — сказала Анна. — Она была художницей. Откуда у неё эти чертежи?

— Возможно, от мужа или отца, — предположил Громов. — Вы говорили, что её муж был инженером. Может, он и создал эти проекты, а она спрятала их, спасая от конфискации.

Анна перелистала несколько страниц. На одной из них она заметила знакомый узор — павлиний хвост, но на этот раз он был вплетён в схему как часть какого-то устройства. Она указала на это.

— Посмотрите, Александр Иванович. Этот символ повторяется на всех документах. Он не просто орнамент, это часть системы. Возможно, это маркировка деталей или даже ин-

струкция по сборке.

Эксперт взял увеличительное стекло. — Вы правы. Это очень похоже на пломбы или печати. Если сопоставить все рисунки павлинов, они могут дать единую картину. Но для этого нам нужно перевести все записи и расшифровать условные обозначения. Это займёт несколько дней.

— У нас нет нескольких дней, — возразил Громов. — Кротов и его сообщник на свободе. Они знают, что у нас есть документы. Они будут пытаться их вернуть любым способом.

Анна кивнула. — Мы должны найти эту машину или хотя бы понять, что она из себя представляет. Может, она до сих пор существует? В письмах Варвары есть упоминание, что она спрятала «описание» и «устройство». Возможно, само устройство где-то рядом.

Громов посмотрел на карту леса. — Если она спрятала сундук у родника, значит, и устройство могло быть там. Но там ничего не было, только бумаги.

— Может, она имела в виду усадьбу? — предположила Анна. — Мы нашли только часть тайников. В подвале под печью были бумаги, под дубом — ключ и письма, у родника — основная коллекция. А где само устройство? В дневнике написано: «Три павлина — три пути». Мы нашли два — дуб и родник, третий — усадьба, но там мы нашли лишь дневник и некоторые вещи. Может, в самой усадьбе есть ещё один тайник, более глубокий?

— Но усадьба сгорела, — сказал Громов. — Если там было что-то, оно могло быть уничтожено огнём.

— Или наоборот — огонь только скрыл вход, — ответила Анна. — Варвара писала о «печи» и «камине» в подвале. Мы нашли печь, но под ней была дверь. А вдруг за дверью есть ещё один уровень?

Громов почесал затылок. — Нам нужно вернуться в усадьбу и проверить. Но туда сейчас рискованно. Кротов и его подельник могут устроить засаду.

— Тогда идём с группой, — настаивала Анна. — Мы должны перехватить инициативу.

Они решили, что завтра на рассвете отправятся в усадьбу с усиленным отрядом. Анна осталась в участке, чтобы помочь с переводом бумаг. Александр Иванович уже начал расшифровывать сложные схемы, и через пару часов он поднял голову и сказал:

— Я понял, что это такое. Это не просто машина. Это устройство для производства энергии из воздуха — нечто вроде преобразователя. В документах есть ссылки на «эфирные потоки» и «резонанс». Это звучит как псевдонаука, но схемы очень детальные и последовательные. Если верить записям, этот аппарат был построен и испытан в 1916 году. Его размеры — около двух метров в высоту, вес — примерно полтонны. Он спрятан где-то под землёй, в герметичном помещении.

— Где именно? — спросила Анна.

— В конце документа есть координаты, но они зашифрованы с помощью того же символа павлина. У нас есть три рисунка павлинов из разных мест — нужно наложить их друг на друга, чтобы получить точку пересечения. Это, вероятно, и есть место хранения.

Анна взяла фотографии, которые она сделала в усадьбе, у дуба и у родника. Она наложила их в фоторедакторе, пытаясь совместить линии хвостов. И через несколько минут она увидела — все три рисунка пересекались в одной точке, которая находилась прямо под фундаментом усадьбы, в том месте, где, по описанию Варвары, когда-то стояла старая кузница.

— Она спрятала аппарат под кузницей! — воскликнула Анна. — Там был грунтовый подвал, который не пострадал от пожара, потому что был залит бетоном.

Громов немедленно отдал приказ готовить группу. Выехали они уже через час — четыре внедорожника с бойцами и спецоборудованием. Снег всё валил, заметая дороги, но они добрались до усадьбы. Вокруг было тихо, только ветер завывал среди руин. Анна показала место старой кузницы, которое было почти скрыто под обломками кирпича.

Бойцы начали разбирать завал. Под слоем щебня они наткнулись на железную плиту с прорезью для ключа — опять павлин. Анна вставила ключ, который нашла под дубом, и плита с глухим скрежетом отъехала в сторону. Под ней открывался люк с крутой лестницей, ведущей вниз. Оттуда

пахло сухой землёй и металлом.

Анна спустилась первой, держа фонарь. Громов и двое бойцов последовали за ней. Внизу оказалась небольшая камера, стены которой были укреплены дубовыми балками. В центре стояло нечто, накрытое брезентом. Анна сдёрнула его — и увидела аппарат, похожий на огромный позолоченный шар на бронзовых ножках, с множеством трубок, циферблатов и медных проводов. Он был прекрасен, как диковинный музыкальный инструмент, и пугающе несовременен.

— Господи, — прошептала Анна. — Он существует. Она сохранила его.

В этот момент сверху слышались крики и выстрелы. Кротов и его люди атаковали группу на поверхности. Громов выругался и приказал бойцам занять оборону у входа в люк.

— Мы заперты здесь! — крикнул он. — Анна, быстро, что здесь ещё есть?

Анна осмотрела помещение. В углу она нашла ещё один сундук, поменьше, внутри которого лежали дневники и рукописные тетради, а на самом дне — старый пистолет и патроны. Она взяла оружие (на всякий случай) и передала его Громову.

Бой длился около получаса. Сверху всё стихло. Громов осторожно выбрался наверх — группа полиции одержала верх, Кротов был ранен и захвачен, а его сообщник с седой бородой убит при попытке к бегству. Анна вышла на свет с окровавленными руками — она поранилась о какой-то ме-

таллический осколок, но не чувствовала боли. Она смотрела на найденный аппарат и понимала, что это её наследство, её родовой дар.

Кротова уводили в наручниках, он злобно усмехался и кричал: — Вы даже не знаете, что нашли! Это машина, которая может управлять стихиями! Мне нужна была она, чтобы сделать мир лучше, а вы — вы спрячете её в архив и никому не покажете!

Анна подошла к нему и пристально посмотрела в глаза. — Вы убили женщину и чуть не убили её ребёнка ради того, чтобы стать властелином мира? Это не лучше, это безумие. Технологии служат человеку, а не наоборот. Вы будете сидеть в тюрьме, а этот аппарат станет экспонатом музея — частью истории, а не оружием.

Она отвернулась и подошла к Грозову. — Нам нужно доставить это в надёжное место. И я хочу, чтобы Алиса увидела это — она должна знать, что её мать не зря погибла. Она спасла нечто ценное для всего человечества.

Вернувшись в город, Анна первым делом поехала в приют. Алиса ждала её, сидя на кровати с альбомом. Анна обняла её и тихо сказала:

— Мы нашли его, Алиса. Мы нашли аппарат твоей матери. Он будет сохранён. Ты больше не одна. Я буду заботиться о тебе, если ты захочешь.

Алиса заплакала, но впервые за всё время — не от страха, а от облегчения. Она взяла альбом и нарисовала павли-

на, у которого появился хвост — длинный, яркий, золотой, с множеством перьев. Анна поняла, что это символ возрождения: прошлое сбросило цепи, и теперь можно смотреть в будущее.

Громов занялся оформлением документов. Кротову предъявили обвинение в убийстве, поджоге и попытке похищения. Анна подала заявление на опеку над Алисой. Через несколько дней, когда всё улеглось, она снова пришла в усадьбу. Она стояла на пороге обгоревшего особняка и смотрела на снежные поля вокруг. Усадьба была разрушена, но где-то в глубине души Анна знала, что она будет восстановлена — не как жилой дом, а как музей-мемориал в честь Варвары Соболевой и всех женщин её рода.

Она взяла в руки медальон из шкатулки — портрет мужчины в военной форме и письмо. Она перечитала его ещё раз и наконец поняла смысл последней фразы Варвары: «Тот, кто найдёт, должен быть чист душой». Она была чиста. Она не искала богатства, она искала правду, и правда сделала её свободной.

Глава 5

Шесть месяцев спустя Москва встречала Анну серым апрельским небом и бесконечными пробками. Она сидела в своём кабинете на Арбате, заваленном книгами по искусству и папками с экспертными заключениями, и смотрела на фотографию, стоящую на столе: Алиса в новой школьной форме, улыбающаяся, сжимающая в руках альбом. Девочка уже почти год жила с ней, и за это время многое изменилось. Алиса начала говорить — сначала короткими фразами, потом целыми предложениями. Психологи говорили, что это прорыв, что страх отпустил её, когда она почувствовала себя в безопасности. Анна каждый вечер читала ей сказки, а по выходным они ездили в музеи или гуляли по паркам. Жизнь вошла в колею, но Анна знала — история Соболевых ещё не закончена.

Она так и не решила, что делать с аппаратом, найденным под кузницей. После того как Громов и его люди извлекли его из подвала, его перевезли в засекреченное хранилище в Москве, где над ним работала группа историков техники и инженеров. Предварительные выводы ошарашили всех: устройство действительно было похоже на описанные в дневниках «эфирные преобразователи», но оно не работало на привычных источниках энергии. Внутри него была сложная система из медных катушек и кварцевых резонаторов.

наторов, которые, по расчётам, могли генерировать электрический ток с невероятной эффективностью, практически из ничего. Это звучало как научная фантастика, но лабораторные тесты подтверждали, что аппарат при подаче небольшого импульса вырабатывал в сто раз больше энергии, чем потреблял. Никто не мог объяснить, как это работало, но все сходились на одном: если это попадёт в руки военных или корпораций, баланс сил в мире может измениться.

Анна чувствовала себя хранительницей не просто семейной реликвии, а чего-то опасного и великого одновременно. Она подала заявку на патентование и передала аппарат на хранение в Российскую академию наук, но процесс шёл медленно — слишком много бюрократии и недоверия. Многие считали, что это подделка или даже фальшивка, несмотря на экспертизы.

В один из таких серых дней раздался телефонный звонок. Анна взяла трубку, не глядя на дисплей.

— Анна Соболева? — раздался незнакомый мужской голос, хриплый, с лёгкой картавинкой.

— Да, слушаю.

— Меня зовут Олег Георгиевич Серебряков. Я историк, специалист по техническому наследию Российской империи. Я работал в архиве Военно-инженерного ведомства и наткнулся на ваше имя в связи с недавней находкой. Вы, кажется, нашли устройство, описанное в проектах профессора Соболева — Павла Андреевича, вашего прадеда.

Анна вздрогнула. Павел Андреевич Соболев — муж Варвары, инженер. Она знала, что он работал над какими-то проектами, но не думала, что его имя могло сохраниться в официальных документах.

— Да, это так, — осторожно ответила она. — А какое отношение вы имеете к этому делу?

— Я много лет занимался историей альтернативных энергоисточников в начале XX века, — пояснил Серебряков. — В архиве я нашёл переписку профессора Соболева с Военным министерством, где он предлагал свои разработки для нужд армии. В 1917 году все эти проекты были засекречены и спрятаны. Я искал их десятилетиями. И теперь, узнав, что вы нашли устройство, я хотел бы встретиться с вами и обсудить возможное сотрудничество. Я знаю, что в устройствах есть скрытые возможности, которые не описаны в найденных вами бумагах. Возможно, я смогу помочь вам в их изучении.

Анна насторожилась. Слишком много желающих получить доступ к аппарату появилось за последние месяцы: от журналистов до бизнесменов и даже иностранных агентов, прикидывающихся коллекционерами. Она уже научилась быть подозрительной.

— Олег Георгиевич, вы не могли бы прислать мне свои документы или публикации? Я хочу убедиться, что вы тот, за кого себя выдаёте.

— Разумеется, — спокойно ответил он. — Я отправлю вам электронное письмо с копией диплома, списком моих

работ и копиями документов из архива. Я не тороплюсь, я только предлагаю помощь. Подумайте.

Он повесил трубку, и Анна задумалась. Что, если этот человек действительно знает то, чего нет в дневниках? Варвара писала о том, что скрыла не всё, что есть ещё одна часть головоломки. Возможно, Серебряков мог бы пролить свет на эти тёмные пятна.

На следующий день она получила письмо с вложениями. Документы выглядели подлинными: диплом МГУ, список публикаций, даже благодарственные письма из РАН. Анна поверила и решила встретиться. Они договорились о встрече в кафе на Патриарших прудах через неделю.

За это время Анна продолжала заниматься делами — готовила отчёт о фарфоре для Зареченского музея, помогала Громову с судебными заседаниями по делу Кротова, который сидел в СИЗО и ждал приговора. Кротов отрицал все обвинения, кроме поджога, и его адвокаты пытались сделать из него жертву обстоятельств. Но Громов был непоколебим: собрал достаточно улик, чтобы доказать его причастность к убийству матери Алисы. Суд должен был состояться через месяц.

Анна также поддерживала связь с Евгением Павловичем, директором музея, который сообщил, что усадьбу, наконец, решили передать в муниципальную собственность и планируют восстановить как культурный центр. Анна радовалась этому — она вложила часть своих сбережений в фонд вос-

становления, желая сохранить память о Варваре.

Вечером, когда Алиса уже легла спать, Анна сидела у окна и перечитывала письма Варвары. В одном из них была строка, которую она раньше не замечала: «Когда придёт время, ищи того, кто носит на левой руке шрам в виде кольца. Он — последний из хранителей тайны». Анна нахмурилась. Шрам? Она никогда не видела никого с таким шрамом. Но, возможно, Серебряков что-то знал об этом?

Наступил день встречи. Кафе «Флора» было уютным, с видом на пруд, где плавали утки. Анна пришла заранее и заказала зелёный чай. Через пять минут к ней подошёл мужчина лет шестидесяти, высокий, худощавый, с пронзительными серыми глазами и седой бородкой. Он был одет в твидовый пиджак и держал старую кожаную папку. Олег Георгиевич улыбнулся и протянул руку.

— Анна Сергеевна, очень рад познакомиться. Спасибо, что согласились.

Он сел напротив и заказал кофе. Анна внимательно разглядывала его, пытаясь запомнить каждую деталь. Когда он перекладывал папку с одной руки на другую, она заметила на его левом запястье тонкий старый шрам, опоясывающий руку, как кольцо. У неё перехватило дыхание.

— Олег Георгиевич, — начала она, стараясь сохранить спокойствие. — У вас на руке шрам. Он похож на...

Он усмехнулся и спокойно поднял рукав. — На кольцо. Я знаю. Это отметина хранителя. Моя бабушка была секре-

тарём Варвары Соболевой. Она передала мне эту историю и эту метку. Нас было немного, хранителей, тех, кто знал о проекте. Я — последний. Я ждал, когда кто-то из рода Соболевых найдёт аппарат. Я уже почти потерял надежду, но вы появились.

Анна ошеломлённо смотрела на него. — То есть вы знали о всём? Вы знали, что Кротов ищет это?

— Я знал о существовании проекта, но не знал, где он спрятан, — ответил Серебряков. — Моя бабушка рассказывала, что Варвара зашифровала все указания в павлинах. Я потратил годы, пытаясь понять этот шифр, но без родовой памяти это было почти невозможно. Вы сделали то, что я не смог. У вас — ключ в крови.

— Но зачем вам это? — спросила Анна. — Зачем вам встречаться со мной?

Серебряков серьёзно посмотрел на неё. — Потому что аппарат, который вы нашли, — это не просто генератор. Это часть чего-то большего. Варвара и Павел работали вместе с группой учёных, которые пытались создать нечто, способное изменить представление о физике. Они почти завершили свои эксперименты, но грянула революция. Они поняли, что если открыть всё сейчас, это будет использовано во зло. Поэтому они спрятали не только устройство, но и теоретическую базу. База — это не только чертежи, это целая библиотека, которая, по слухам, хранится где-то в другом месте, возможно, в старом хранилище в подвале Троицкой церкви

в Зареченске. Я думаю, что именно туда мы должны отправиться.

Анна почувствовала, как сердце забилося быстрее. Троицкая церковь — она помнила её, она стояла на окраине города. Она была разрушена в 1930-х, но фундамент и подвалы могли сохраниться.

— Вы предлагаете поехать туда?

— Мы должны, — твёрдо сказал Серебряков. — Если эта библиотека попадёт в руки не тех людей, последствия будут катастрофическими. Кротов сидит в тюрьме, но у него могут быть сообщники на свободе, которые тоже знают о проекте. Мы должны опередить их.

Анна колебалась. Она представляла, как оставляет Алису, снова едет в этот мрачный городок, снова рискует. Но она понимала, что если есть шанс завершить то, что начали её предки, она не может отказаться.

— Хорошо, — сказала она. — Я поеду. Но я возьму с собой Алису — она не должна оставаться одна, и она многое знает о символах. Возможно, её рисунки помогут нам снова.

Серебряков кивнул. — Договорились. Я организую транспорт и разрешения на осмотр церкви. Выезжаем через два дня.

Они обменялись контактами и разошлись. Анна вернулась домой, чувствуя смесь тревоги и предвкушения. Она позвонила Громову и рассказала о встрече. Майор был настроен скептически:

— Вы уверены, что этому человеку можно доверять? Мало ли, он тоже охотник за сокровищами. Шрам можно подделать, историю можно выучить.

— Я чувствую, что он говорит правду, — ответила Анна. — Но ты прав, я буду осторожна. Ты сможешь прислать кого-то из своих в Зареченск на всякий случай?

— Я сам приеду, — сказал Громов. — У меня как раз отпуск. Будет неофициально, но я присмотрю за вами.

Через два дня они встретились в Зареченске. Городок выглядел ещё более унылым, чем в прошлый раз — снег уже сошёл, и грязь на улицах смешивалась с мусором и прошлогодней листвой. Анна, Алиса, Серебряков и Громов остановились в той же гостинице.

Троицкая церковь стояла на холме, окружённая старыми берёзами. От неё остались только камни фундамента и частично сохранившийся подвал, вход в который был завален щебнем. Местные власти не препятствовали осмотру — здание уже давно было признано аварийным, и никто не заботился о нём.

Они нашли лаз через проём в стене и спустились в подвал. Внутри было сыро, темно и пахло вековой пылью. Фонари выхватывали из мрака старые кирпичные стены, покрытые мхом. В углу Анна заметила нишу, заложённую камнями, на которой был вырезан павлин. Она подошла ближе и провела рукой по символу — он был идентичен тем, что она видела раньше.

— Здесь, — сказала она. — Разбирайте.

Мужчины начали разбирать кладку. Через час они открыли проход в небольшую комнату, где стояли стеллажи с книгами, свитками и коробками. Тысячи страниц, исписанных изящным почерком. Серебряков вошёл внутрь и осторожно взял одну из книг.

— Это оно, — прошептал он. — Теория. Здесь описаны все принципы, которые объясняют работу аппарата. Это бесценно.

Анна почувствовала, как внутри разливается тепло. Она сделала это. Она завершила дело прабабки. Но в тот же момент она заметила, что Алиса стоит в углу и смотрит на стену. Анна подошла к ней и увидела, что девочка смотрит на надпись, выцарапанную на камне: «Тому, кто найдёт эту библиотеку, я оставляю выбор: использовать знания для добра или для зла. Помни: знание — это ответственность. Варвара».

Анна обняла Алису и сказала: — Мы выберем добро, правда?

Девочка кивнула и улыбнулась.

Они вынесли все содержимое из тайника, аккуратно упаковали в ящики и вывезли. Серебряков обещал помочь с систематизацией и публикацией материалов, но после консультации с Академией наук. Анна уже чувствовала, что её миссия близится к концу.

В ту ночь они все сидели в гостинице и праздновали на-

ходку. Серебряков рассказывал о том, как его бабушка, работая у Соболевых, видела эти книги, но не могла их забрать из-за страха репрессий. Громов предложил тост за смелость Анны. Алиса тихо сидела рядом и рисовала в альбоме — на этот раз павлина с распущенным хвостом, на каждом перья которого было написано по одному слову: «Свобода», «Правда», «Надежда».

Анна поняла, что это — её финал. Она завершила круг. Но она знала, что это не конец, а начало новой эры — эры, когда знания предков станут достоянием человечества и послужат мирным целям.

На следующее утро она отправила письмо в Академию наук с отчётом о находке и предложением создать лабораторию для изучения архива. Ответ пришёл быстро: проект одобрили. Анну пригласили руководить исследовательской группой.

Она стояла у окна гостиницы, глядя на просыпающийся город, и думала о том, что жизнь её изменилась навсегда. Она больше не была просто экспертом по фарфору. Она стала хранительницей наследия, наследницей Варвары, матерью для Алисы.

Алиса подошла к ней и взяла за руку. — Мама Анна, — сказала она впервые, — мы останемся здесь?

Анна улыбнулась и присела на корточки, чтобы посмотреть девочке в глаза. — Нет, мы вернёмся в Москву. Но мы всегда будем приезжать сюда, в эту усадьбу. Это твой дом,

Алиса. Наш дом.

Они обнялись, и в этот момент в дверь постучали. Это был Громов.

— Анна, срочное сообщение. В усадьбе «Фазанья поляна» сегодня утром произошёл пожар. Опять. Огонь вспыхнул в восточном крыле — как раз там, где мы нашли тайник. Кто-то пытается уничтожить следы.

Анна замерла. — Как это возможно? Все злоумышленники в тюрьме.

— Не все, — мрачно ответил Громов. — Кротов сидит, но у него есть связи. Возможно, кто-то действует по его указке. Мы нашли рядом с местом поджога следы двух человек. Они ушли в лес.

Анна посмотрела на Алису, затем на Громова. — Мы не можем позволить им уничтожить наше наследие. Мы должны остановить их.

Громов кивнул. — Я уже вызвал подкрепление. Мы будем прочёсывать лес. Но вам и Алисе лучше оставаться здесь, в гостинице.

— Нет, — твёрдо сказала Анна. — Я пойду. Я знаю этот лес лучше вас. И Алиса тоже. Мы покажем дорогу.

Алиса взяла альбом и нарисовала карту леса с пометками — такими же, как раньше. Она указала на точку, где, вероятно, прячутся поджигатели: старое убежище, о котором ей рассказывала мать.

Они выехали в лес на двух внедорожниках. Снегопад уже

закончился, и на земле были видны свежие следы. Громов и его бойцы двинулись по следу, а Анна с Алисой и Серебряковым пошли по тропе, указанной в альбоме.

Через час они наткнулись на старую землянку, скрытую в чаще. Оттуда доносился дым. Внутри горел костёр, и у огня сидели двое мужчин, перебирая какие-то бумаги. Анна узнала их: это были бывшие подельники Кротова, которых не удалось поймать в прошлый раз.

Громов отдал приказ, и бойцы окружили землянку. Завязалась перестрелка, но вскоре поджигатели были обезврежены и взяты под стражу. В их руках оказались части архива, которые они успели вынести из усадьбы до пожара. К счастью, большая часть библиотеки уже была в безопасности.

Анна вздохнула с облегчением. Она снова победила. Но в глубине души она понимала, что это не конец. Всегда найдутся те, кто захочет завладеть знаниями ради власти. И их долг — защищать эти знания, пока они не станут доступны всем для мирных целей.

Они вернулись в гостиницу уже к вечеру. Анна села на кровать и обняла Алису. — Всё хорошо. Мы всё сохранили.

Алиса посмотрела на неё и улыбнулась, а затем сказала: — Я хочу стать учёным, как ты. И изучать павлинов.

Анна рассмеялась. — Тогда нам есть чему тебя научить.

Она взяла в руки книгу из библиотеки Соболевых и открыла её. На первой странице была надпись, сделанная рукой Варвары: «Тому, кто читает это, я дарю свет. Используй

его во благо».

Анна пообещала себе, что так и сделает.

Глава 6

Лаборатория, которую выделили Анне в здании Российской академии наук на Ленинском проспекте, больше напоминала музейный архив, чем научный центр. Высокие потолки, тяжелые дубовые шкафы, пахнущие нафталином и вековой пылью, и единственное окно, выходящее во внутренний двор, где вечно шумели воробьи. Анна сидела за длинным столом, заваленным книгами и свитками из библиотеки Соболевых, и чувствовала себя одновременно исследователем и археологом. Рядом с ней, на специально принесённом из дома детском стульчике, сидела Алиса и старательно перерисовывала схемы в свой альбом — она помогала, как могла, копируя символы, которые взрослые могли не заметить.

Прошло две недели с тех пор, как они вывезли библиотеку из подвала Троицкой церкви. Серебряков получил официальный статус консультанта и появлялся в лаборатории три раза в неделю, принося с собой новые выписки из архивов и гипотезы. Громов уехал обратно в Зареченск, но звонил почти каждый вечер — справлялся о делах, о безопасности, о том, не угрожает ли Анне что-то. Анна ловила себя на том, что ждёт этих звонков, что голос майора стал для неё чем-то тёплым и надёжным. Но она отгоняла эти мысли — сейчас было не до личного.

— Анна Сергеевна, взгляните на это, — сказал Серебряков, пододвигая к ней пожелтевший лист, исписанный мелким убористым почерком. — Я нашёл здесь упоминание о том, что профессор Соболев вёл переписку с Николой Теслой. Они обменивались идеями о беспроводной передаче энергии. Этот аппарат, который вы нашли, возможно, является развитием концепций Теслы, но с существенными доработками. Соболев использовал особые сплавы металлов, которых в то время почти не существовало. Он их сам изготавливал, судя по записям.

Анна взяла лист и поднесла к свету. Действительно, в верхнем углу стояла подпись «Н.Т.» и приписка на сербском. Анна не знала сербского, но Серебряков перевёл: «Дорогой Павел, ваша идея с резонансной катушкой не имеет аналогов. Если вы сможете реализовать её на практике, мы перевернём физику. Но помните: знание требует осторожности. Не дайте ему попасть в руки тех, кто думает только о разрушении».

— Значит, Тесла знал о проекте, — пробормотала Анна. — Это меняет всё. Если мы сможем доказать связь, это повысит научную ценность находки. Но и привлечёт ещё больше внимания.

— Именно, — серьёзно кивнул Серебряков. — Я уже заметил странный интерес к нашим материалам. В прошлую пятницу, когда я уходил из архива, ко мне подошёл человек, представился сотрудником министерства энергетики. Он за-

давал много вопросов о вашей находке, о том, кто знает о ней, планируется ли публикация. Я дал общие ответы, но он был настойчив.

Анна насторожилась. — Вы запомнили его имя?

— Он представился как Геннадий Николаевич, но у него не было визитки, и он отказался назвать свою должность. Сказал, что работает «по поручению». Мне это не понравилось.

Анна посмотрела на Алису. Девочка подняла голову и сказала тихо, но твёрдо:

— Это плохой человек. Я видела таких в Зареченске. Они приходили к маме.

Анна вздрогнула. Алиса редко говорила о прошлом, но когда говорила, слова её были точными и болезненными. Она обняла девочку за плечи.

— Мы будем осторожны. Я попрошу Громова проверить этого человека. А пока — мы законсервируем самые ценные документы и аппарат. Без нашего разрешения никто не должен иметь к ним доступ.

Серебряков кивнул. — Я организую дополнительную охрану. И, возможно, нам стоит перенести часть материалов в другое место — на случай, если кто-то попытается проникнуть сюда.

В этот момент раздался телефонный звонок. Анна взяла трубку — это была секретарь академии.

— Анна Сергеевна, к вам пришёл посетитель. Говорит,

что он из Федеральной службы безопасности. У него есть предписание на осмотр ваших материалов. Он настаивает на встрече.

Анна похолодела. ФСБ? Она не вызывала их, и никаких проверок не ожидалось. Она быстро взглянула на Серебрякова, который тоже услышал разговор и нахмурился.

— Скажите ему, что я занята и не могу принять его сейчас. Попросите его предъявить документы и оставить контактные данные. Я свяжусь с ним позже.

Секретарь передала ответ, и через минуту добавила: — Он очень настаивает, но я сказала, что вы в совещании. Он оставил визитку.

Анна взяла визитку, когда секретарь принесла её в лабораторию. На ней было вытиснено: «Майор ФСБ Виктор Сергеевич Токарев», и номер мобильного. Внизу приписка от руки: «По делу о незаконном хранении секретных материалов».

— Что за чушь? — воскликнул Серебряков. — У нас есть все разрешения, мы действуем в рамках закона. Кто-то пытается запугать вас или получить доступ через силовое давление.

Анна быстро набрала номер Громова. Тот ответил после второго гудка.

— Анна, что случилось? Ты выглядишь взволнованной.

— Алексей, у меня проблема. Пришёл человек из ФСБ, утверждает, что у нас якобы незаконные материалы. Я не

знаю, настоящий ли он, но это выглядит как провокация.

Громов помолчал. — Я сейчас позвоню своему знакомому в столичное управление, проверю, есть ли такой майор. Не принимай никаких решений до моего звонка. И никого не выпускай без официального ордера.

— Хорошо, — сказала Анна и отключилась.

Она повернулась к Серебрякову и Алисе. — Нам нужно срочно упаковать самые важные документы и вывезти их в надёжное место. Я знаю, где — у меня есть знакомый частный хранитель, который работает с антикварами. Он может принять несколько коробок без лишних вопросов.

— А как же аппарат? — спросил Серебряков. — Его нельзя перевезти незаметно.

— Его мы оставим здесь, под охраной академии. Но я попрошу, чтобы доступ к нему был ограничен только нами тремя. И опечатаем помещение.

Они начали быстро собирать стопки бумаг, свитки, фотографии и дневники. Алиса помогала, аккуратно укладывая папки в картонные коробки. Через час всё было готово. Анна позвонила своему знакомому — некоему Семёну Ильичу, владельцу антикварного магазина в центре, который имел лицензию на хранение исторических ценностей. Он согласился принять коробки и поместить их в свой сейфовый подвал.

Анна сама отвезла коробки на своей машине, оставив Серебрякова и Алису в лаборатории под присмотром охранни-

ка. Вернувшись через час, она увидела, что у дверей академии стоит чёрная служебная машина с тонированными стёклами. Из неё вышел высокий мужчина в штатском, с жёстким лицом и цепким взглядом. Он подошёл к Анне.

— Анна Сергеевна Соболева? — спросил он официальным тоном. — Я майор Токарев. Вы не ответили на моё посещение, и я вынужден настоять на встрече. У меня есть постановление суда на ознакомление с материалами, которые вы изъяли в Зареченской области.

Анна взяла протянутую бумагу и прочитала. Документ выглядел официально, с печатью и подписью судьи. Но что-то в нём настораживало — например, была указана дата выдачи «сегодняшняя», что для судебной процедуры было слишком быстро. Она не была юристом, но интуиция подсказывала ей, что это подделка или по крайней мере продавленный через знакомства документ.

— Майор, я должна проверить этот документ через свои каналы, — спокойно сказала она. — Я не имею права допускать вас к материалам без официального подтверждения полномочий. Если вы подождёте до завтра, я свяжусь с вами.

Токарев нахмурился. — У меня нет времени ждать. Это дело государственной важности. Если вы препятствуете, я буду вынужден применить меры.

— Какие именно меры? — раздался голос сзади. Анна обернулась и увидела Громова. Он стоял в дверях академии, в гражданском пальто, но с удостоверением в руке. — Майор

Токарев, я полковник Громов из МВД. У меня есть вопрос к вам: ваше удостоверение действительно, я проверил по базе. Но судебное постановление вызывает сомнения. Я связался с судьёй, которая подписала его, и она подтвердила, что не выносила такого документа. Это фальшивка.

Токарев побледнел, но попытался сохранить самообладание. — Вы ошибаетесь. Судья могла забыть.

— Забыть? — усмехнулся Громов. — Она вообще в отпуске с прошлой недели. Так что я советую вам уйти по-хорошему, пока я не вызвал наряд.

Майор заколебался, но затем резко развернулся и направился к машине. Через минуту чёрный автомобиль исчез за поворотом.

Анна перевела дух и посмотрела на Громова с благодарностью. — Алексей, как ты здесь оказался?

— Я уже ехал к вам, когда ты позвонила. Чувствовал, что что-то не так. Хорошо, что я приехал вовремя. — Он подошёл ближе и мягко коснулся её плеча. — Ты в порядке?

— Да, но я боюсь, что это не конец. Кто-то очень хочет получить наше наследство. И они используют любые методы.

Серебряков вышел из здания, держа за руку Алису. — Мы слышали всё. Что теперь будем делать?

— Мы должны обратиться к общественности, — сказала Анна. — Опубликовать предварительные результаты, показать, что это историческое и научное наследие, а не секретное оружие. Чем больше людей узнают, тем труднее будет

спрятать это в тени.

— Но это риск, — возразил Серебряков. — Если мы раскроем слишком много, найдётся множество желающих злоупотребить.

— Мы раскроем только общую суть, без технических деталей. Сделаем акцент на исторической и культурной ценности. Тогда давление со стороны силовиков ослабнет, и у нас будет время подготовить полноценное исследование.

Громов поддержал идею. — Я могу помочь с организацией пресс-конференции через МВД, чтобы это выглядело официально и заслуживало доверия.

Они решили действовать быстро. Через три дня в пресс-центре академии состоялась пресс-конференция, на которой Анна рассказала о находке: о Варваре Соболевой, о её муже-инженере, о рукописях, о фарфоре с павлинами. Она говорила о том, что это уникальный пример того, как творчество и наука переплетались в судьбе одной семьи. Журналисты задавали вопросы, камеры сверкали, и к вечеру новость разлетелась по всем каналам.

Следующий день принёс неожиданный результат — из Министерства культуры позвонили с предложением включить архив Соболевых в государственный реестр особо ценных объектов. Это давало автоматическую защиту от изъятия и неправомерных действий. Аппарат признали "потенциально важным для истории техники" и передали под охрану Росгвардии. Анна вздохнула с облегчением.

Но она знала, что истинный покой ещё не наступил. В одном из дневников Варвары она нашла странную запись, сделанную в 1917 году, уже после Октябрьской революции: «Я спрятала не только чертежи. Я спрятала то, что может остановить войну навсегда. Но это может быть использовано и для начала новой войны. Я молюсь, чтобы тот, кто найдёт это, был мудр». Анна не понимала, что за «это» — возможно, это был какой-то компонент, который она пропустила в аппарате. Или ещё один тайник.

Она поделилась с Серебряковым. Тот задумался и сказал: — Я помню, что в архиве Военного министерства был список секретных лабораторий. Одна из них находилась в том же районе, где и ваша усадьба. Возможно, Павел Соболев имел доступ к ней и использовал её для хранения своих самых тайных разработок.

— Как мы можем найти эту лабораторию? — спросила Анна.

— У меня есть координаты, но они приблизительные. Это примерно в десяти километрах от усадьбы, в лесу. Там был старый военный бункер.

Анна посмотрела на календарь. Через месяц начинались летние каникулы у Алисы, и она уже планировала поездку в Зареченск, чтобы помочь с восстановлением усадьбы. Похоже, эта поездка будет не только рабочей, но и исследовательской.

— Мы поедем через месяц, — сказала она. — Сейчас я

хочу подготовиться, изучить все карты и документы. И я попрошу Громова поехать с нами — на всякий случай.

Серебряков кивнул. — Я тоже буду готов. Думаю, у нас есть шанс найти то, что Варвара называла "ключом к миру". Возможно, это звучит пафосно, но если эти технологии действительно могут влиять на климат или энергию, то мы обязаны их найти и защитить.

Алиса, сидевшая в углу и рисовавшая, подняла голову и сказала: — Я хочу поехать. Я покажу дорогу. Мама мне рассказывала о бункере. Она говорила, что туда нельзя ходить, но она знала, где он. Она мне рисовала.

Девочка протянула Анне альбом — на этот раз там был рисунок: лес, холм, и на холме — железная дверь, врезанная в землю. Рядом — три сосны, растущие вместе, как на карте, которую Анна уже видела.

Анна обняла её. — Ты удивительная, Алиса. Мы обязательно поедem. И всё найдём. А потом — мирно вернёмся домой.

— А дом у нас теперь есть? — спросила девочка.

Анна задумалась. Домом она называла московскую квартиру, но после всех событий она чувствовала, что настоящий дом там, где хранятся семейные тайны и где живёт память. Она улыбнулась.

— Да, Алиса. И этот дом всегда будет с нами. В наших сердцах и в наших воспоминаниях.

Глава 7

Июньское солнце заливало Зареченск тёплым золотистым светом, который делал даже обшарпанные фасады домов почти уютными. Городок, казалось, ожил за прошедший месяц: на главной улице появилось несколько новых кафе, а у входа в краеведческий музей висела вывеска «Здесь хранится фарфор Соболевых». Анна шла по знакомой мостовой, держа за руку Алису, и чувствовала, как в груди разливается странное спокойствие. Она приехала не просто так — она приехала завершить начатое. Но даже она не ожидала, что Зареченск встретит её толпой туристов и съёмочной группой из федерального канала.

Громов шёл рядом, неся в руке старую карту леса, которую они нашли в архиве Серебрякова. Серебряков сам ехал в другой машине с оборудованием для поиска металла и георадаром. Экспедиция планировалась серьёзная, и Анна настаивала, чтобы взяли с собой не только технику, но и аптечку, запас воды и пару лопат.

— Ты видела, сколько народу? — усмехнулся Громов, оглядываясь на туристов. — Твоя пресс-конференция сделала Зареченск известным. Местные власти уже думают над брендом «Город павлинов».

— Лишь бы это не мешало нашей основной цели, — ответила Анна. — Мы и так привлекли слишком много внима-

ния. Если Кротов сидит в тюрьме, но кто-то из его людей на свободе, они могут следить за нами.

— За этим я и приехал, — серьёзно сказал Громов. — В моей группе двое оперативников, они будут дежурить по периметру. Так что не волнуйся.

Они заселились в гостиницу, ту же самую, где останавливались зимой. Алиса, увидев знакомые коридоры, сначала напряглась, но потом улыбнулась и сказала, что теперь это место кажется ей «почти домашним». Она уже почти не заикалась и говорила полными предложениями, хотя иногда надолго замолкала, глядя в одну точку. Психологи говорили, что травма уходит, но медленно.

Вечером они устроили небольшой штаб в номере Анны. Серебряков разложил на кровати старые карты и современные спутниковые снимки местности.

— Я сравнил координаты из дневников Варвары с картами 1917 года и современными, — сказал он, водя пальцем по бумаге. — Варвара писала о «бункере в десяти верстах к северо-востоку от усадьбы». Если перевести в километры, получается около одиннадцати. И вот здесь, — он ткнул в точку на снимке, — я вижу странное образование рельефа. Похоже на искусственный холм, заросший мхом и кустарником. Это может быть вход в бункер.

Анна вгляделась в снимок. — А три сосны рядом? Алиса нарисовала три сосны.

— Да, и они здесь есть, — подтвердил Серебряков. —

Я проверил: на этом участке леса действительно растут три сосны, сросшиеся основаниями. Это отличный ориентир.

Алиса сидела на стуле и рисовала в альбоме. Она вдруг подняла голову и сказала: — Это там, где мама водила меня за грибами. Она сказала: «Никогда не подходи к железной двери, Алиса, там мертвецы». Я не знала, что это бункер.

Анна подошла и обняла её. — Теперь мы пойдём туда вместе, и мы не боимся мертвецов. Мы идём за правдой.

Серебряков нахмурился. — Мертвецы? Интересно. Возможно, во время революции или войны там прятались люди, и некоторые не выжили. Но технически это военный объект, там могло быть что угодно.

На следующее утро они отправились в путь. Дорога была трудной — лес стоял густой, с высокими папоротниками и ежевичником. Пришлось прорубать тропу, но благодаря карте и GPS они продвигались быстро. Через два часа, когда солнце уже поднялось к зениту, они вышли на поляну, где действительно росли три сосны, растущие из одного корня. Они выглядели как огромные братья-близнецы, обнимающие друг друга ветвями.

— Мы на месте, — сказал Громов, отирая пот со лба. — Теперь ищем вход.

Они начали обследовать склон холма, который поднимался сразу за соснами. Серебряков включил георадар и прошёлся по периметру. Прибор запищал, показывая аномалию на глубине около полутора метров.

— Здесь есть пустота, — сказал он. — И металлическая структура. Дверь, вероятно, завалена грунтом.

Оперативники Громова взяли лопаты и начали копать. Грунт был рыхлым, но на глубине метра они наткнулись на ржавую железную плиту с массивной ручкой, выкованной в виде змеи, кусающей свой хвост. На плите был выбит тот же павлин, что и на всех тайниках Соболевых.

— Это она, — прошептала Анна. — Она здесь.

Она попыталась потянуть ручку, но плита не поддавалась. Тогда Громов и его люди взялись за неё вчетвером и с усилием сдвинули её в сторону. Под ней открылся тёмный проём с ржавой лестницей, уходящей вниз.

Анна включила мощный фонарь и первой начала спускаться. Алиса держалась за её руку, но не показывала страха — она выглядела сосредоточенной и серьёзной, как маленький взрослый. За ними спустились Громов и Серебряков, остальные остались наверху на подстраховке.

Внизу оказался длинный бетонный коридор, стены которого были покрыты плесенью. В воздухе витал запах сырости, старого металла и ещё чего-то неуловимого — похожего на химикалии. Анна осторожно пошла по коридору, и через двадцать шагов они вошли в просторное помещение, которое, судя по всему, было когда-то лабораторией или мастерской. Вдоль стен стояли столы, заваленные ржавыми инструментами, мензурками, остатками каких-то приборов. В центре комнаты стояло нечто, накрытое брезентом, — такое же,

как в усадьбе, но большего размера.

Анна сдёрнула брезент, и все замерли. Перед ними был аппарат, значительно превосходявший размерами тот, что нашли под кузницей, — около трёх метров в высоту, с десятками трубок, циферблатов и катушек, оплётённых медной проволокой. Он был покрыт патиной, но выглядел удивительно целым.

— Это основной экземпляр, — сказал Серебряков с благоговением. — Тот, что вы нашли, был прототипом или моделью. Этот — рабочий агрегат. Здесь есть система охлаждения, резервуары, даже что-то похожее на аккумуляторы. Это не просто генератор, это целая станция.

Анна обошла аппарат и увидела на его основании выгравированную надпись: «Феникс-1. Павел Соболев, 1916». Рядом были высечены слова: «И взлетит из пепла на благо человечеству».

— Он работал, — тихо сказала Анна. — Он реально работал. Мой прадед создал это.

Алиса подошла к аппарату и положила на него маленькую ладонку. — Он тёплый, — сказала она. — Он живой.

Все переглянулись. Анна прикоснулась к металлу — действительно, он был чуть тёплым, хотя бункер был холодным и сырым. Это означало, что аппарат либо продолжает вырабатывать тепло, либо имеет внутренний источник энергии, который до сих пор активен.

— Нам нужно вызвать специалистов, — сказал Громов.

— Это слишком опасно, чтобы трогать его своими силами.

— Но сначала мы должны проверить, что ещё есть в бункере, — возразила Анна. — Варвара писала о «ключе к миру». Возможно, он здесь.

Они продолжили обследование. В соседней комнате они нашли сейф, который не был заперт. Внутри лежала пачка писем, перевязанных красной лентой, и небольшой металлический цилиндр, запечатанный сургучом. Анна взяла цилиндр в руки и почувствовала, что внутри что-то есть. Она открыла его и вытащила свёрнутый пергамент, исписанный чернилами, которые почти не выцвели.

Она развернула его и начала читать вслух:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.